

Икра красная

(из будней работников советской торговли)

Скромная работница советской торговли, жена дяди Марика – ну, вы её помните! – тётя Бетя, заведующая рыбно-колбасным отделом гастронома „Темп” на углу улиц Гарибальди и Розы Люксембург принимала товар.

Колбаса докторская - ... кг.
Колбаса отдельная - ... кг...
Колбаса ветчинно-рубленая - ... кг...

Текучка...

Сельдь атлантическая восемь банок по шесть кило, сельдь тихоокеанская четырнадцать банок...

Тётя Бетя ещё подумала, что, наверное, четырнадцать банок не самой ходовой сельди многовато будет... И надо же было гнать такой продукт из самого Ростова... Потом вспомнила, что праздники на носу и успокоилась.

До открытия гастронома оставалось минут пятнадцать. Тётя Бетя распихала колбасу по холодильным камерам, кинула несколько палок на витрину прилавка...

Потом она взяла банку сельди атлантической, вскрыла её, отогнула крышку и поставила туда же на витрину.

Текучка...

Потом тётя Бетя приступила к сельди тихоокеанской. Тут-то всё и началось!

Отогнув крышку, тетя Бетя вдруг увидела, что банка вместо селёдки до краёв заполнена красной икрой. Оглянувшись вокруг, она торопливо спрятала банку, завернув её во что-то маскирующее, в глубинные недра морозильной камеры. Что она станет делать с такой прорвищей красной икры, тётя Бетя ещё не знала. Но в голове уже роились цифры, причём, все, как одна, из высшей математики.

– Шесть кило по рубль пятьдесят четыре в кассу... – шевелила губами тётя Бетя, – будет... девять двадцать четыре...

Вычтя эти бешенные деньги из своего бюджета, тётя Бетя ударилась в более приятные вычисления. Шесть кило икры по... Тут тётя Бетя поняла, что понятия не имеет о стоимости красной икры.

– Та-ак, баночка в сто сорок грамм стоит пять пятьдесят...

Выходило, что сто грамм икры стоят почти четыре рубля. Точнее – где-то три девяносто. А кило, стало быть – тридцать девять! Это по госцене. Но какой идиот продаёт красную икру по госцене? В банке шесть кило... Допустим, по сорок пять рублей... Для своих! Это... Это двести семьдесят! Минус несчастные девять... У тётки Бетти захватило дух! Как раз три её зарплаты!

Производя все эти приятные вычисления, она машинально вскрывала следующую банку... Вы, конечно, будете смеяться, но и там была икра! И в третьей банке тоже. И в четвёртой...

Тогда тётя Бетя сделала самое умное из того, что могла сделать. Она пошла к директору. К товарищу Макбету Бедросовичу Скоколян. А Макбет Бедросович был очень занят... с продавщицей кондитерского отдела Ритой... Но тётя Бетя к нему прорвалась. Сквозь секретаршу Блюму. И даже начала выталкивать не совсем одетую Риту из кабинета. Макбет Бедросович был умным человеком и понял, что дело серьёзное. Такое вопиющее нарушение субординации было возможно только при чрезвычайных ситуациях.

– Ревизия из Киева? – спросил он тетю Бетю, когда они остались одни.

– Хуже!

– Из Москвы? – Скоколян явно поплохело.

– Хуже! – выдохнула тётя Бетя и... скомандовала: – Пошли!

Увидев в подсобке две вскрытые банки с икрой и маркировкой Сельдь тихоокеанская”, Скоколян сразу понял всё.

– Сколько банок? – спросил он.

– Четырнадцать...

– Сколько проверила?

– Четыре...

Оставив младшую продавщицу Катю торговать в отделе и строго-настрого запретив ей заходить в подсобку, Скоколян с тётей Бетей принялись за ревизию остальных банок. В итоге выяснилось, что в десяти банках имеется красная икра и только в четырёх, как и положено, селёдка. С этим надо было что-то делать. Шестьдесят кило красной икры – это уже не шутки. Более того, дадут за эту неучтенную икру прилично – лет по шесть минимум...

Заперев и опечатав подсобку, Скоколян удалился к себе в кабинет, взял лист бумаги и принялся за подсчеты.

Имелось шестьдесят кило красной икры, с которой надо было что-то делать. Конечно, можно было сразу вызвать ОБХСС. Но Скоколян представил себе последствия и сразу понял, что вызывать ОБХСС он не будет ни при каких обстоятельствах.

Во-первых, по дороге из гастронома до кабинета следователя треть икры испарится. А ответит за это он, Скоколян. Ну, и сотрудники, конечно.

Во-вторых, начнутся допросы на тему: сколько икры он припрятал. А это обыски, дознания... А, не дай Бог, попутно что-то найдут...

В третьих, очень недовольно будет начальство. Как же так? Огрёб Скоколян более половины центнера икры и не поделился. Ненадёжный, ох, ненадёжный человек этот Скоколян! И милиция им интересуется... Интересно, сколько минут Макбет Бедросович после этого в должности будет? И из партии попрут...

Макбет Бедросович кликнул секретаршу и велел пригласить грузчика Костю, тетю Бетю и точильщика ножей, а также мастера на все руки Цуцермана. Грузчику он выдал сто рублей и велел приобрести в других гастрономах десять банок тихоокеанской сельди. Сдачу решил оставить себе, чем Костю буквально окрылил. Для надёжности, Скоколян прикрепил к Косте тетю Бетю.

После их ухода в кабинет был допущен Цуцерман.

- Ефим, – сказал Скоколян проникновенно, – мне нужна твоя помощь!
- Любой каприз за ваши деньги! – выдал любимую поговорку Цуцерман.
- Разумеется! – согласился Скоколян и озадачил помощника.

Услышав, что от него требуется, Цуцерман резко отказался от финансовых претензий, перейдя на чисто натуральные. Макбет Бедросович согласился и на это, но строго добавил:

- Ефим! Не наглеи!

Это, в устах Скоколяна, звучало, как последнее предупреждение, каковым, впрочем, и являлось.

Цуцерман резко изобразил со всем согласием и ринулся исполнять.

Грузчик Костя работал в системе советской торговли всего десять лет, поэтому заработал только автомобиль „Запорожец”, правда, последней модели. На нём он с тётёй Бетей отпраздновал выполнение задания. Что оказалось делом нелегким. Во всех гастрономах района их встречали приветливо, угощали, чем Бог послал, но сельдь тихоокеанскую, да ещё и в банках, продавать отказывались наотрез, отводя глаза и стыдливо признаваясь к любви именно к этому продукту. Пришлось тётё Бете и Косте завезти её аж на Пересыпь, где вожделенная сельдь в банках была им охотно отпущена.

Отправив тётю Бетю и Цуцермана на задание, Скоколян не сидел сложа руки, а позвонил директору магазина „Товары для женщин”.

- Норик! – сказал он. – Мне нужно, чтоб все мои кошёлки в обед вылетели из магазина, как наскипидаренные!
- Финские колготки? – спросил понятливый Норик. – По паре в одни руки?
- Ты друг! – только и ответил Скоколян.

Через пять минут все продавщицы гастронома знали, что благодаря заботам Макбета Бедросовича в магазине „Товары для женщин” специально для них отложены финские колготки. Так что, в обед ни одной продавщицы в гастрономе не осталось. Кроме тётё Бети...

Комиссия, которую с большой тревогой ждал Макбет Бедросович Скоколян, нагрянула около четырёх. В неё вошли: инструктор отдела торговли обкома партии, заведующий торговым отделом горкома партии, секретарь райкома, чины из горисполкома, начальство из родного торгового и работники ОБХСС в чинах не менее подполковника. Согласитесь, что для проверки среднего по размерам гастронома, комиссия была более, чем представительной.

Прямо с порога комиссия направилась в рыбно-колбасный отдел.

- Где? – спросил, задыхаясь, начальник торгового.
- Что? – не поняла тётя Бетя.
- Сельдь тихоокеанскую получали?
- Сегодня утром. Одну банку открыли, остальные в подсобке...

Народ, рассмотрев селёдку в витрине, ринулся в подсобку, спотыкаясь о ржавые банки яблочного повидла, стоявшие у входа.

Банки с селёдкой стояли двумя штабелями на неструганной полке. Инструктор обкома первый раз махнул рукой и из подсобки удалили Скоколяна, тётю Бетю и среднеответственных работников торго.

Потом инструктор обкома махнул рукой второй раз и... началось. Банку за банкой вскрывали brave ОБХССники, но находили там одну селёдку. Когда последняя банка была вскрыта, в подсобку пригласили Скоколяна.

– В сельди обнаружен опасный вирус! Разрешаю её списать! – молвил начальник торго.

– Слушаюсь! – рявкнул Соколян.

Комиссия потянулась к выходу, вновь спотыкаясь о ржавые банки с повидлом.

– Да спиши ты, наконец, это повидло! Небось, годы тут стоит! – в сердцах пнул банку начальник торго.

– Слушаюсь! – не стал оригинальничать Скоколян.

Комиссия для приличия прошла по магазину...

Начальник торго, кстати, лишний раз убедился в исполнительности Скоколяна. Через пять минут акт о списании тринадцати банок сельди тихоокеанской и восьми банок яблочного повидла принесли ему на утверждение, а грузчик Костя уже тащил повидло к служебному выходу.

Если б комиссия чуть задержалась и проследила бы за происходящим, то увидела бы, что списанные банки с яблочным повидлом Костя аккуратненько укладывает в салоне „Запорожца”. А если бы попыталась их вскрыть, то вполне могла бы полакомиться столь тщательно разыскиваемой икрой. Но комиссии было не до этого, неохваченными осталось ещё с десяток гастрономов.

Главный кладовщик торго получил восемь лет. А его экспедиторы по пять.

Начальника торго и его замов строго предупредили.

Скоколян получил грамоту райисполкома и дал подписку о неразглашении. Что не помешало ему послать всё своё семейство в Кисловодск.

Тётя Бетя с дядей Мариком купили хрустальную люстру и телевизор „Рубин”.

Грузчик Костя поменял резину на „Запорожце”.

„... краденная икра поступала тоннами на Ростовский рыбоконсервный комбинат, где упаковывалась в банки из под рыбы и в таком виде доставлялась заказчикам...”

(Из закрытого доклада заместителя Генерального прокурора СССР депутатам Верховного Совета).

Александр БИРШТЕЙН.